

Михаил Лермонтов~Белла Ахмадулина~Омар Хайям~Владимир Высоцкий~

Александр Пушкин~Шарль Бодлер~Юрий Визбор

~Анна Ахматова~Уильям Шекспир~Евгений Евтушенко~Вероника Тушнова~

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ

Юлия Друнина

*И откуда вдруг
берутся силы...*

Федерико Гарсиа Лорка~Роберт Рождественский

Юлия Владимировна Друнина

И откуда вдруг берутся силы...

Серия «Золотая коллекция поэзии»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69311932
И откуда вдруг берутся силы...: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-188575-5

Аннотация

Юлия Друнина – фронтовичка, знаменитая советская поэтесса, мастер высокого лирического дара, известная не только своими страшными и правдивыми поэтическими свидетельствами о Великой Отечественной войне («Кто говорит, что на войне не страшно, / Тот ничего не знает о войне»), но и замечательными стихотворениями о любви, поэмами, прозой, гражданской лирикой.

В настоящее издание включены избранные стихотворения и поэмы Юлии Друниной, а также автобиографическая проза «С тех вершин».

Содержание

Стихотворения о войне	9
Зинка	9
«Да, многое в сердцах у нас умрет...»	12
«В семнадцать совсем уже были мы взрослые...»	13
Ты вернешься	15
Бинты	17
Запас прочности	18
«Я порою себя ощущаю связной...»	19
«Я ушла из детства в грязную теплушку...»	21
«Я родом не из детства – из войны...»	22
«Я курила недолго, давно – на войне...»	23
«Целовались...»	25
«Убивали молодость мою...»	26
«На улице Десантников живу...»	28
Неизвестный солдат	29
«Мир до невозможности запутан...»	32
«И откуда...»	33
«За утратую – утрата...»	35
Два вечера	36
«Качается рожь несжатая...»	37
«Из окружения, в пургу...»	38
«В шинельке, перешитой по фигуре...»	40

«Мне еще в начале жизни повезло...»	42
Геологиня	43
Ты должна	45
Солдатские будни	46
«Приходит мокрая заря...»	47
«И горе красит нас порою...»	48
«Когда стояла у подножья...»	49
«Не знаю, где я нежности училась...»	50
«Пожилых не помню на войне...»	51
Елка	53
«На носилках, около сарая...»	56
Комбат	57
«В слепом неистовстве металла...»	58
«Кто-то плачет, кто-то злобно стонет...»	59
От имени павших	60
Поклонись им по-русски	62
Прощание	63
«Дочка, знаешь ли ты, как мы строили доты? ...»	67
Мать	69
«Нет, это не заслуга, а удача...»	70
В канун войны	71
«Мне один земляк...»	72
Принцесса	73
Баллада о десанте	76
В дальнем уголке души	78

Баллада о звездах	80
«Девочки» в зимнем курзале...»	81
Стихотворения о любви	83
«Помоги, пожалуйста, влюбиться...»	83
«Полжизни мы теряем из-за спешки...»	84
Белый флаг	85
«Недостойно сражаться с тобою...»	86
Ветер с фронта	87
«Я не привыкла...»	89
«Я не знала измены в любви...»	90
«Я не люблю...»	91
«Я люблю тебя злого, в азарте работы...»	92
«Ты разлюбишь меня...»	94
«Ты – рядом, и все прекрасно...»	96
«Теперь не умирают от любви...»	97
«Позови меня!...»	98
«Пахнет лето...»	99
«Нынче в наших горах синева...»	100
«Нет в любви виноватых и правых...»	101
«Невозможно! Непостижимо!...»	102
«Не встречайтесь с первой любовью...»	103
«Молчу, перчатки теребя...»	104
«Любовь проходит...»	105
«Любовь ушла...»	106
«Когда умирает любовь...»	107
«Как резко день пошел на убыль!...»	108

«...»	109
Катерина	111
«И не было встреч, а разлука...»	113
«И когда я бежать попыталась из плена...»	114
«Забытая тетрадь. Истертые листы...»	115
«Ждала тебя. И верила. И знала...»	116
«Есть время любить...»	117
«Да, сердце часто ошибалось...»	118
«Все зачеркнуть. И все начать сначала...»	119
Болдинская осень	120
«А я для вас неуязвима...»	122
Памяти Вероники Тушновой	123
«А все равно...»	125
Любовь	126
«Хорошо молодое лицо...»	127
«Во второй половине двадцатого века...»	128
«Жизнь моя не катилась...»	129
«Стал холоден мой теплый старый дом...»	131
Сочетание	132
«Чтоб человек от стужи не застыл...»	133
«Стало зрение сердца...»	134
«Мы любовь свою схоронили...»	136
«Как объяснить слепому...»	137
«Я любила твой смех, твой голос...»	138
«Сколько силы в обыденном слове «милый»!	139
...»	

Стихотворения для детей	140
Про собак	140
Я завидую толстокожим	141
Предательство	142
Конец ознакомительного фрагмента.	144

**Юлия Владимировна
Друнина
И откуда вдруг
берутся силы...**

© Друнина Ю.В., наследники, 2023

© Данилова А.П., составление, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Стихотворения о войне

Зинка

1

Мы легли у разбитой ели.
Ждем, когда же начнет светлеть.
Под шинелью вдвоем теплее
На продрогшей, гнилой земле.

– Знаешь, Юлька, я – против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Дома, в яблочном захолустье,
Мама, мамка моя живет.

У тебя есть друзья, любимый,
У меня – лишь она одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом бурлит весна.

Старой кажется: каждый кустик
Беспокойную дочку ждет...

Знаешь, Юлька, я – против грусти,
Но сегодня она не в счет.

Отогрелись мы еле-еле.
Вдруг приказ: «Выступить вперед!»
Снова рядом, в сырой шинели
Светлокосый солдат идет.

2

С каждым днем становилось горше.
Шли без митингов и знамен.
В окруженье попал под Оршей
Наш потрепанный батальон.

Зинка нас повела в атаку.
Мы пробились по черной ржи,
По воронкам и буеракам
Через смертные рубежи.

Мы не ждали посмертной славы. —
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

Ее тело своей шинелью

Укрывала я, зубы сжав...
Белорусские ветры пели
О рязанских глухих садах.

3

– Знаешь, Зинка, я против грусти,
Но сегодня она не в счет.
Где-то, в яблочном захолустье,
Мама, мамка твоя живет.

У меня есть друзья, любимый,
У нее ты была одна.
Пахнет в хате квашней и дымом,
За порогом стоит весна.

И старушка в цветастом платье
У иконы свечу зажгла.
...Я не знаю, как написать ей,
Чтоб тебя она не ждала?!

«Да, многое в сердцах у нас умрет...»

Да, многое в сердцах у нас умрет,
Но многое останется нетленным:
Я не забуду сорок пятый год —
Голодный, радостный, послевоенный.

В тот год, от всей души удивлены
Тому, что уцелели почему-то,
Мы возвращались к жизни от войны,
Благословляя каждую минуту.

Как дорог был нам каждый трудный день,
Как «на гражданке» все нам было мило!
Пусть жили мы в плену очередей,
Пусть замерзали в комнатах чернила.

И нынче, если давит плечи быт,
Я и на быт взираю, как на чудо:
Год сорок пятый мной не позабыт,
Я возвращенья к жизни не забуду!

«В семнадцать совсем уже были мы взрослые...»

В семнадцать совсем уже были мы взрослые —
Ведь нам подрастать на войне довелось...
А нынче сменили нас девочки рослые
Со взбитыми космами ярких волос.

Красивые, черти! Мы были другими —
Военной голодной поры малыши.
Но парни, которые с нами дружили,
Считали, как видно, что мы хороши.

Любимые нас целовали в траншее,
Любимые нам перед боем клялись.
Чумазные, тощие, мы хорошели
И верили: это на целую жизнь.

Эх, только бы выжить!.. Вернулись немногие.
И можно ли ставить любимым в вину,
Что нравятся девочки им длинноногие,
Которые только рождались в войну?

И правда, как могут не нравиться весны,
Цветение, первый полет каблукчиков,
И даже сожженные краскою космы,

Когда их хозяйкам семнадцать годков.

А годы, как листья осенние, кружатся.

И кажется часто, ровесницы, мне —

В борьбе за любовь пригодится нам мужество

Не меньше, чем на войне...

Ты вернешься

Машенька, связистка, умирала
На руках беспомощных моих.
А в окопе пахло снегом талым,
И налет артиллерийский стих.
Из санроты не было повозки,
Чью-то мать наш фельдшер величал.

...О, погон измятые полоски
На худых девчоночьих плечах!
И лицо – родное, восковое,
Под чалмой намокшего бинта!..

Прошипел снаряд над головой,
Черный столб взметнулся у куста...

Девочка в шинели уходила
От войны, от жизни, от меня.
Снова рыть в безмолвии могилу,
Комьями замерзшими звеня...

Подожди меня немного, Маша!
Мне ведь тоже уцелеть навряд...

Поклялась тогда я дружбой нашей:
Если только возвращусь назад,

Если это совершится чудо,
То до смерти, до последних дней,
Стану я всегда, везде и всюду
Болью строк напоминать о ней —
Девочке, что тихо умирала
На руках беспомощных моих.

И запахнет фронтом – снегом талым,
Кровью и пожарами мой стих.

Только мы – однополчане павших,
Их, безмолвных, воскресить вольны.
Я не дам тебе исчезнуть, Маша, —
Песней возвратишься ты с войны!

Бинты

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напряженный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем – так учили нас.
Одним движеньем – только в этом жалость...
Но встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движенье это не решалась.
На бинт я щедро перекись лила,
Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: «Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться – беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки».
Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.

Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймешь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!

Запас прочности

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать! – Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

«Я порою себя ощущаю связной...»

Я порою себя ощущаю связной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной.
И хотя пятилетки бегут
Торопясь,
Все тесней эта связь,
Все прочней эта связь.

Я – связная.
Пусть грохот сражения стих:
Донесеньем из боя
Остался мой стих —
Из котлов окружений,
Пропастей поражений
И с великих плацдармов
Победных сражений.

Я – связная.
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несусь:
«Нет, ничто не забыто,
Нет, никто не забыт,
Даже тот,
Кто в безвестной могиле лежит».

«Я ушла из детства в грязную теплушку...»

Я ушла из детства в грязную теплушку,
В эшелон пехоты, в санитарный взвод.
Дальние разрывы слушал и не слушал
Ко всему привыкший сорок первый год.

Я пришла из школы в блиндажи сырые,
От Прекрасной Дамы в «мать» и «перемать»,
Потому что имя ближе, чем «Россия»,
Не могла сыскать.

«Я родом не из детства – из войны...»

Я родом не из детства – из войны.
И потому, наверное, дороже,
Чем ты, ценю я радость тишины
И каждый новый день, что мною прожит.

Я родом не из детства – из войны.
Раз, пробираясь партизанской тропкой,
Я поняла навек, что мы должны
Быть добрыми к любой травинке робкой.

Я родом не из детства – из войны.
И, может, потому незащищенной:
Сердца фронтовиков обожжены,
А у тебя – шершавые ладони.

Я родом не из детства – из войны.
Прости меня – в том нет моей вины...

«Я курила недолго, давно – на войне...»

Я курила недолго, давно – на войне.
(Мал кусочек той жизни, но дорог!)
До сих пор почему-то вдруг слышится мне:
«Друг, оставь «шестьдесят» или «сорок»!»

И нельзя отказаться – даешь докурить.
Улыбаясь, болтаешь с бойцами.
И какая-то новая крепкая нить
Возникала тогда меж сердцами.

А за тем, кто дымит, уже жадно следят,
Не сумеет и он отказаться,
Если кто-нибудь скажет:
«Будь другом, солдат!» —
И оставит не «сорок», так «двадцать».

Было что-то берущее за душу в том,
Как делились махрой на привале.
Так делились потом и последним бинтом,
За товарища жизнь отдавали...

И в житейских боях я смогла устоять,
Хоть бывало и больно, и тяжело,

Потому что со мною делились опять,
Как на фронте, последней затяжкой.

«Целовались...»

Целовались.

Плакали

И пели.

Шли в штыки.

И прямо на бегу

Девочка в заштопанной шинели

Разбросала руки на снегу.

Мама!

Мама!

Я дошла до цели...

Но в степи, на волжском берегу,

Девочка в заштопанной шинели

Разбросала руки на снегу.

«Убивали молодость мою...»

Убивали молодость мою
Из винтовки снайперской,
В бою,
При бомбежке
И при артобстреле...
Возвратилась с фронта я домой
Раненой, но сильной и прямой —
Пусть душа
Едва держалась в теле.

И опять летели пули вслед:
Страшен быт
Послевоенных лет —
Мне передохнуть
Хотя бы малость!..
Не убили
Молодость мою,
Удержалась где-то на краю,
Снова не согнулась,
Не сломалась.

А потом —
Беды безмерной гнет:
Смерть твоя...
А смерть любого гнет.

Только я себя не потеряла.
Сердце не состарилось
Ничуть,
Так же сильно
Ударяет в грудь,
Ну, а душу я
В тиски зажала.

И теперь веду
Последний бой
С годами,
С обидами,
С судьбой —
Не желаю
Ничему сдаваться!
Почему?
Наверно, потому,
Что и ныне
Сердцу моему
Восемнадцать,
Только восемнадцать!

«На улице Десантников живу...»

На улице Десантников живу,
Иду по Партизанской за кизилом.
Пустые гильзы нахожу во рву —
Во рву, что рядом с братскою могилой.

В глухом урочище туман, как дым,
В оврагах расплзается упрямо.
Землянок полустертые следы,
Окопов чуть намеченные шрамы.

В костре сырые ветки ворошу,
Сушу насквозь промоченные кеды,
А на закате в городок спешу —
На площадь Мира улицей Победы.

Неизвестный солдат

Пролетели дни, как полустанки,
Где он, черный сорок первый год?
Кони, атакующие танки,
Над Москвой горящий небосвод?

А снега белы, как маскхалаты,
А снега багровы, как бинты.
Падают безвестные солдаты
Возле безымянной высоты.

Вот уже и не дымится рана,
Исчезает облачко у рта...
Только, может быть, не безымянна
Крошечная эта высота? —

Не она ль Бессмертием зовется?..
Новые настали времена,
Глубоки забвения колодцы,
Но не забывается война.

Вот у Белорусского вокзала
Эшелон из Прошлого застыл.
Голову склонили генералы
Перед Неизвестным и Простым
Рядовым солдатом,

Что когда-то
Рухнул на бегу у высоты...

Вновь снега белы, как маскхалаты,
Вновь снега багровы, как бинты.
Вот Он, не вернувшийся из боя,
Вышедший на линию огня
Для того, чтоб заслонить собою
Родину, столицу и меня.

Кто он? Из Сибири, из Рязани?
Был убит в семнадцать, в сорок лет?..
И седая женщина глазами
Провожает траурный лафет.

«Мальчик мой!» – сухие губы шепчут,
Замирают тысячи сердец,
Молодые вздрагивают плечи:
«Может, это вправду мой отец?»

Никуда от Прошлого не деться,
Вновь Война стучится в души к нам.
Обжигает, обжигает сердце
Благодарность с болью пополам.

Голову склонили генералы,
Каждый посуровел и затих...
Неизвестный воин, не мечтал он
Никогда о почестях таких —

Неизвестный парень,
Что когда-то
Рухнул на бегу у высоты...

Вновь снега белы, как маскхалаты,
Вновь снега багровы, как бинты...

«Мир до невозможности запутан...»

Мир до невозможности запутан.
И когда дела мои плохи,
В самые тяжелые минуты
Я пишу веселые стихи.

Ты прочтешь и скажешь:
– Очень мило,
Жизнеутверждающе притом. —
И не будешь знать, как больно было
Улыбаться обожженным ртом.

«И откуда...»

И откуда
Вдруг берутся силы
В час, когда
В душе черным-черно?..
Если б я
Была не дочь России,
Опустила руки бы давно,
Опустила руки
В сорок первом.
Помнишь?
Заградительные рвы,
Словно обнажившиеся нервы,
Зазмеились около Москвы.
Похоронки,
Раны,
Пепелища...

Память,
Душу мне
Войной не рви,
Только времени
Не знаю чище
И острее
К Родине любви.
Лишь любовь

Давала людям силы
Посреди ревущего огня.
Если б я
Не верила в Россию,
То она
Не верила б в меня.

«За утратою – утрата...»

За утратою – утрата,
Гаснут сверстники мои.
Бьет по нашему квадрату,
Хоть давно прошли бои.

Что же делать? —
Вжавшись в землю,
Тело брэнное беречь?
Нет, такого не приемлю,
Не об этом вовсе речь.

Кто осилил сорок первый,
Будет драться до конца.
Ах обугленные нервы,
Обожженные сердца!..

Два вечера

Мы стояли у Москвы-реки,
Теплый ветер платьем шелестел.
Почему-то вдруг из-под руки
На меня ты странно посмотрел —
Так порою на чужих глядят.
Посмотрел и улыбнулся мне:
– Ну, какой же из тебя солдат?
Как была ты, право, на войне?
Неужель спала ты на снегу,
Автомат пристроив в головах?
Понимаешь, просто не могу
Я тебя представить в сапогах!..

Я же вечер вспомнила другой:
Минометы били, падал снег.
И сказал мне тихо дорогой,
На тебя похожий человек:
– Вот, лежим и мерзнем на снегу,
Будто и не жили в городах...
Я тебя представить не могу
В туфлях на высоких каблуках!..

«Качается рожь несжатая...»

Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы – девчата,
Похожие на парней.

Нет, это горят не хаты —
То юность моя в огне...
Идут по войне девчата,
Похожие на парней.

«Из окружения, в пургу...»

Из окружения, в пургу,
Мы шли по Беларуси.
Сухарь в растопленном снегу,
Конечно, очень вкусен.
Но если только сухари
Дают пять дней подряд,
То это, что ни говори...
— Эй, шире шаг, солдат! —
Какой январь!
Как ветер лих!
Как мал сухарь,
Что на двоих!
Семнадцать суток шли мы так,
И не отстала ни на шаг
Я от ребят.
А если падала без сил,
Ты поднимал и говорил:
— Эх ты, солдат!
Какой январь!
Как ветер лих!
Как мал сухарь,
Что на двоих!
Мне очень трудно быть одной.
Над умной книгою порой
Я в мир, зовущийся войной,

Ныряю с головой —
И снова «ледяной поход»,
И снова окруженный взвод
Бредет вперед.
Я вижу очерк волевой
Тех губ, что повторяли: «Твой»
Мне в счастье и в беде.
Притихший лес в тылу врага
И обожженные снега...
А за окном – московский день,
Обычный день...

«В шинельке, перешитой по фигуре...»

«В шинельке, перешитой по фигуре,
Она прошла сквозь фронтовые бури...» —
Читаю и становится смешно:
В те дни фигурками блистали лишь в кино,
Да в повестях, простите, тыловых,
Да кое-где в штабах прифронтовых.
Но по-другому было на войне —
Не в третьем эшелоне, а в огне.

...С рассветом танки отбивать опять,
Ну, а пока дана команда спать.
Сырой окоп – солдатская постель,
А одеяло – волглая шинель.
Укрылся, как положено, солдат:
Пола шинели – под, пола шинели – над.
Куда уж тут ее перешивать!

С рассветом танки ринутся опять,
А после (если не сыра земля!) —
Санрота, медсанбат, госпиталя...

Едва наркоза отойдет туман,
Приходят мысли побольнее ран:

«Лежишь, а там тяжелые бои,
Там падают товарищи твои...»
И вот опять бредешь ты с вещмешком,
Брезентовым стянувшись ремешком.
Шинель до пят, обрита голова —
До красоты ли тут, до щегольства?
Опять окоп – солдатская постель,
А одеяло – волглая шинель.
Куда ее перешивать? Смешно!
Передний край, простите, не кино...

«Мне еще в начале жизни повезло...»

Мне еще в начале жизни повезло,
На свою не обижаюсь я звезду.
В сорок первом меня бросило в седло,
В сорок первом, на семнадцатом году.
Жизнь солдата, ты – отчаянный аллюр:
Марш, атака, трехминутный перекур.

Как мне в юности когда-то повезло,
Так и в зрелости по-прежнему везет —
Наше чертово святое ремесло
Распускать поводья снова не дает.
Жизнь поэта, ты – отчаянный аллюр:
Марш, атака, трехминутный перекур.

И, ей-богу, просто некогда стареть,
Хоть мелькают полустанками года...
Допускаю, что меня догонит смерть,
Ну, а старость не догонит никогда!
Не под силу ей отчаянный аллюр:
Марш, атака, трехминутный перекур.

Геологиня

Ветер рвет светло-русую прядку,
Гимнастерка от пыли бела.
Никогда не была ты солдаткой,
Потому что солдатом была.

Не ждала, чтоб тебя защитили,
А хотела сама защищать.
Не желала и слышать о тыле —
Пусть царапнула пуля опять.

...Побелела от времени прядка,
И штормовка от пыли бела.
Снова тяжесть сапог, и палатка,
И ночевка вдали от села.

Снова с первым лучом подниматься,
От усталости падать не раз,
Не жалела себя ты в семнадцать,
Не жалеешь себя и сейчас.

Не сочувствуйте – будет обидой,
Зазвенит в ломком голосе лед,
Скажет: «Лучше ты мне позавидуй!» —
И упругой походкой уйдет.

И от робости странной немея
(Хоть суров и бесстрастен на вид),
Не за юной красоткой – за нею
Бородатый геолог следит...

Ты должна

Побледнев,
Стиснув зубы до хруста,
От родного окопа
Одна
Ты должна оторваться
И бруствер
Проскочить под обстрелом
Должна.
Ты должна.
Хоть вернешься едва ли,
Хоть «Не смей!»
Повторяет комбат.
Даже танки
(Они же из стали!)
В трех шагах от окопа
Горят.
Ты должна.
Ведь нельзя притворяться
Перед собой,
Что не слышишь в ночи,
Как почти безнадежно
«Сестрица!»
Кто-то там,
Под обстрелом, кричит...

Солдатские будни

Только что пришла с передовой
Мокрая, замерзшая и злая,
А в землянке нету никого,
И, конечно, печка затухает.

Так устала – руки не поднять,
Не до дров, – согреюсь под шинелью.
Прилегла, но слышу, что опять
По окопам нашим бьют шрапнелью.

Из землянки выбегаю в ночь,
А навстречу мне рванулось пламя.
Мне навстречу – те, кому помочь
Я должна спокойными руками.

И за то, что снова до утра
Смерть ползти со мною будет рядом,
Мимоходом: «Молодец, сестра!» —
Крикнут мне товарищи в награду.

Да еще сияющий комбат
Руки мне протянет после боя:
– Старшина, родная! Как я рад,
Что опять осталась ты живою!

«Приходит мокрая заря...»

Приходит мокрая заря
В клубящемся дыму.
Крадется медленный снаряд
К окопу моему.

Смотрю в усталое лицо.
Опять – железный вой.
Ты заслонил мои глаза
Обветренной рукой.

И даже в криках и в дыму,
Под ливнем и огнем
В окопе тесно одному,
Но хорошо вдвоем.

«И горе красит нас порою...»

И горе красит нас порою
(Сложны законы красоты).
В простом лице оно откроет
Вдруг утонченные черты.

Скорбь всепрощающего взгляда,
Улыбки грустной доброта —
Лик возвращенного из ада
Иль чудом снятого с креста.

Но горе быть должно великим
И с горем спаяно страны.
...Великомучеников лики
Глядят в глаза мне со стены.

Из отдаленных мест вернули
Домой товарищей моих,
Но годы горя, словно пули,
Догнали и убили их.

Скорбь всепрощающего взгляда,
Сильны, измучены, чисты...
Порою так взглядеться надо
В их утонченные черты!

«Когда стояла у подножья...»

Когда стояла у подножья
Горы, что называют «Жизнь»,
Не очень верилось, что можно
К ее вершине вознестись.
Но пройдено уже две трети,
И если доберусь туда,
Где путникам усталым светит
В лицо вечерняя звезда,
То с этой высоты спокойно
И грустно оглянусь назад:
– Ну, вот и кончились все войны,
Готовься к отдыху, солдат!..

«Не знаю, где я нежности училась...»

Не знаю, где я нежности училась, —
Об этом не спрашивай меня.
Растут в степи солдатские могилы,
Идет в шинели молодость моя.

В моих глазах обугленные трубы.
Пожары полыхают на Руси.
И снова нецелованные губы
Израненный парнишка закусил.

Нет!
Мы с тобой узнали не по сводкам
Большого отступления страдаю.
Опять в огонь рванулись самоходки,
Я на броню вскочила на ходу.

А вечером над братскою могилой
С опущенной стояла головой...
Не знаю, где я нежности училась, —
Быть может, на дороге фронтовой...

«Пожилых не помню на войне...»

Пожилых не помню на войне,
Я уже не говорю про старых.
Правда, вспоминаю, как во сне,
О сорокалетних санитарях.
Мне они, в мои семнадцать лет,
Виделись замшелыми дедками.
«Им, конечно, воевать не след, —
В блиндаже шушукались с годками. —
Побинтуй, поползай под огнем,
Да еще в таких преклонных летах!»

Что ж, годки, давайте помянем
Наших «дедов», пулями отпетых.
И в крутые, злые наши дни
Поглядим на тех, кому семнадцать.
Братцы, понимают ли они,
Как теперь нам тяжело сражаться? —
Побинтуй, поползай под огнем,
Да еще в таких преклонных летах!..
Мой передний край —
Всю жизнь на нем
Быть тому, кто числится в поэтах.
Вечно будет жизнь давать под дых,
Вечно будем вспыхивать, как порох.

Нынче щеголяют в «молодых»
Те, кому уже давно за сорок.

Елка

На втором Белорусском еще продолжалось
затишье,
Шел к закату короткий последний
декабрьский день.
Сухарями в землянке хрустели голодные
мышь,
Прибежавшие к нам из сожженных дотла
деревень.

Новогоднюю ночь третий раз я на фронте
встречала.
Показалось – конца не предвидится этой
войне.
Захотелось домой, поняла, что смертельно
устала.
(Виновато затишье – совсем не до грусти
в огне!)

Показалась могилой землянка в четыре наката.
Умирала печурка. Под ватник забрался мороз...
Тут влетели со смехом из ротной разведки
ребята:
– Почему ты одна? И чего ты повесила нос?

Вышла с ними на волю, на злой ветерок

из землянки.

Посмотрела на небо – ракета ль сгорела,
звезда?

Прогревая моторы, ревели немецкие танки,
Иногда минометы палили незнамо куда.

А когда с полутьмой я освоилась мало-помалу,
То застыла не веря: пожарами освещена
Горделиво и скромно красавица елка стояла!
И откуда взялась среди чистого поля она?

Не игрушки на ней, а натертые гильзы
блестели,
Между банок с тушенкой трофейный висел
шоколад...

Рукавицею трогая лапы замерзшие ели,
Я сквозь слезы смотрела на сразу притихших
ребят.

Дорогие мои д'артаньяны из ротной разведки!
Я люблю вас! И буду любить вас до смерти,
всю жизнь!

Я зарылась лицом в эти детством пропахшие
ветки...

Вдруг обвал артналета и чья-то команда: «Ложись!»

Контратака! Пробил санитарную сумку
осколок,
Я бинтую ребят на взбесившемся черном

снегу...

Сколько было потом новогодних сверкающих
елок!

Их забыла, а эту забыть не могу...

«На носилках, около сарая...»

На носилках, около сарая,
На краю отбитого села,
Санитарка шепчет, умирая:
– Я еще, ребята, не жила...

И бойцы вокруг нее толпятся
И не могут ей в глаза смотреть:
Восемнадцать – это восемнадцать,
Но ко всем неумолима смерть...

Через много лет в глазах любимой,
Что в его глаза устремлены,
Отблеск зарев, колыханье дыма
Вдруг увидит ветеран войны.

Вздрогнет он и отойдет к окошку,
Закурить пытаясь на ходу.
Подожди его, жена, немножко —
В сорок первом он сейчас году.

Там, где возле черного сарая,
На краю отбитого села,
Девочка лепечет, умирая:
– Я еще, ребята, не жила...

Комбат

Когда, забыв присягу, повернули
В бою два автоматчика назад,
Догнали их две маленькие пули —
Всегда стрелял без промаха комбат.

Упали парни, ткнувшись в землю грудью,
А он, шатаясь, побежал вперед.
За этих двух его лишь тот осудит,
Кто никогда не шел на пулемет.

Потом в землянке полкового штаба,
Бумаги молча взяв у старшины,
Писал комбат двум бедным русским бабам,
Что... смертью храбрых пали их сыны.

И сотни раз письмо читала людям
В глухой деревне плачущая мать.
За эту ложь комбата кто осудит?
Никто его не смеет осуждать!

«В слепом неистовстве металла...»

В слепом неистовстве металла,
Под артралетами, в бою
Себя бессмертной я считала
И в смерть не верила свою.

А вот теперь – какая жалость! —
В спокойных буднях бытия
Во мне вдруг что-то надломалось,
Бессмертье потеряла я...

О, вера юности в бессмертье —
Надежды мудрое вино!..
Друзья, до самой смерти верьте,
Что умереть вам не дано!

«Кто-то плачет, кто-то злобно стонет...»

Кто-то плачет, кто-то злобно стонет,
Кто-то очень-очень мало жил...
На мои замерзшие ладони голову товарищ
положил.

Так спокойны пыльные ресницы,
А вокруг нерусские поля...
Спи, земляк, и пусть тебе приснится
Город наш и девушка твоя.
Может быть, в землянке после боя
На колени теплые ее
Прилегло кудрявой головою
Счастье беспокойное мое.

От имени павших

Сегодня на трибуне мы – поэты,
Которые убиты на войне,
Обнявшие со стоном землю где-то
В своей ли, в зарубежной стороне.
Читают нас друзья-однополчане,
Сединами они убелены.
Но перед залом, замершим в молчанье,
Мы – парни, не пришедшие с войны.
Спят «юпитеры», а нам неловко —
Мы в мокрой глине с головы до ног.
В окопной глине каска и винтовка,
В проклятой глине тощий вещмешок.
Простите, что ворвалось с нами пламя,
Что еле-еле видно нас в дыму,
И не считайте, будто перед нами
Вы вроде виноваты, – ни к чему.
Ах, ратный труд – опасная работа,
Не всех ведет счастливая звезда.
Всегда с войны домой приходит кто-то,
А кто-то не приходит никогда.
Вас только краем опалило пламя,
То пламя, что не пощадило нас.
Но если б поменялись мы местами,
То в этот вечер, в этот самый час,
Бледнея, с горлом, судорогой сжатым,

Губами, что вдруг сделались сухи,
Мы, чудом уцелевшие солдаты,
Читали б ваши юные стихи.

Поклонись им по-русски

С ветхой крыши заброшенного сарая
Прямо к звездам мальчишка взлетает
в «ракете»...

Хорошо, что теперь в космонавтов играют,
А в войну не играют соседские дети.

Хорошо, что землянки зовут погребками,
Что не зарево в небе – заря,
И что девушки ходят теперь за грибами
В партизанские лагеря.

Хорошо... Но немые кричат обелиски.
Не сочтешь, не упомнишь солдатских могил.
Поклонись же по-русски им – низко-низко,
Тем, кто сердцем тебя заслони.

Прощание

Тихо плакали флейты,
Рыдали валторны,
Дирижеру,
Что Смертью зовется,
Покорны.
И хотелось вдове,
Чтоб они замолчали, —
Тот, кого провожали,
Не сдался б печали.
(Он войну начинал
В сорок первом, комбатом,
Он комдивом закончил ее
В сорок пятом.)
Он бы крикнул, коль мог:
– Выше голову, черти!
Музыканты! Не надо
Подыгрывать смерти!
Для чего мне
Рапсодии мрачные ваши?
Вы играйте, солдаты,
Походные марши!

Тихо плакали флейты,
Рыдали валторны,
Подошла очень бледная

Женщина в черном.
Все дрожали, дрожали
Припухшие губы,
Все рыдали, рыдали
Военные трубы.
И вдова на нее
Долгим взглядом взглянула:
Да, конечно же,
Эти высокие скулы!
Ах, комдив! Как хранил он
Поблекшее фото
Тонкошейей девчонки,
Связистки из роты.
Освещал ее отблеск
Недавнего боя
Или, может быть, свет,
Что зовется любовью.
Погасить этот свет
Не сумела усталость...
Фотография! Только она
И осталась.
Та, что дни отступленья
Делила с комбатом,
От комдива в победном
Ушла сорок пятом,
Потому что сказало ей
Умное сердце:
Никуда он не сможет
От прошлого деться —

О жене затоскует,
О маленьком сыне...
С той поры не видала
Комдива донине.
И встречала восходы,
Провожала закаты
Все одна да одна —
В том война виновата...
Долго снились комдиву
Припухшие губы,
Снилась шейка,
Натертая воротом грубым,
И улыбка,
И скулы высокие эти...
Ах, комдив! Нет без горечи
Счастья на свете!..
А жена никогда
Ни о чем не спросила,
Потому что таилась в ней
Умная сила,
Потому что была
Добротою богата,
Потому что во всем
Лишь война виновата...
Чутко замерли флейты,
Застыли валторны,
И молчали, потупясь,
Две женщины в черном.
Только громко и больно

Два сердца стучали
В иступленной печали,
Во вдовьей печали...

«Дочка, знаешь ли ты, как мы строили доты?...»

Дочка, знаешь ли ты, как мы строили доты?
Это было в начале войны, давно.
Самый лучший и строгий комсорг – работа
Нас спаяла в одно.

Мы валились с ног, но, шатаясь, вставали —
Ничего, что в огне голова.
Впереди фронтовые дымились дали,
За плечами была Москва.

Только молодость не испугаешь бомбежкой!
И, бывало, в часы, когда небо горит,
Мы, забыв про усталость, с охрипшей
гармошкой
Распевали до самой зари.

Эти ночи без сна, эти дни трудовые,
Эту дружбу забыть нельзя!
Смотрит дочка, расширив глаза живые,
И завидует вам, друзья,

Вам, простые ребята из комсомола,
Молодежь фронтовой Москвы.

Пусть растет моя дочка такой же веселой
И такой же бесстрашной, как вы!

А придется – сама на нее надену
Гимнастерку, и в правом святом бою
Повторит медсестра комсомолка Лена
Фронттовую юность мою.

Мать

Волосы, зачесанные гладко,
Да глаза с неяркой синевой.
Сделала война тебя солдаткой,
А потом солдатскою вдовой.

В тридцать лет оставшись одинокой,
Ты любить другого не смогла.
Оттого, наверное, до срока
Красотою женской отцвела.

Для кого глазам искриться синим?
Кто румянец на щеках зажжет?
...В день рожденья у студента-сына
Расшумелся молодой народ.

Нет, не ты – девчонка с сыном рядом,
От него ей глаз не оторвать.
И случайно встретишь с нею взглядом,
Расцвела, помолодела мать.

«Нет, это не заслуга, а удача...»

Нет, это не заслуга, а удача
Стать девушке солдатом на войне.
Когда б сложилась жизнь моя иначе,
Как в День Победы стыдно было б мне!
С восторгом нас, девчонок, не встречали:
Нас гнал домой охрипший военком.
Так было в сорок первом. А медали
И прочие регалии потом...

Смотрю назад, в продымленные дали:
Нет, не заслугой в тот зловещий год,
А высшей честью школьницы считали
Возможность умереть за свой народ.

В канун войны

Брест в сорок первом.
Ночь в разгаре лета.
На сцене – самодеятельный хор.
Потом: «Джульетта, о моя Джульетта!» —
Вздывает руки молодой майор.

Да, репетиции сегодня затянулись,
Но не беда: ведь завтра выходной.
Спешат домой вдоль сладко спящих улиц
Майор Ромео с девочкой-женой.

Она и впрямь похожа на Джульетту
И, как Джульетта, страстно влюблена...

Брест в сорок первом.
Ночь в разгаре лета.
И тишина, такая тишина!

Летят последние минуты мира!
Проходит час, потом пройдет другой,
И мрачная трагедия Шекспира
Покажется забавною игрой...

«Мне один земляк...»

Мне один земляк
в сорок пятом
Возле Одера,
у костра,
Так сказал:
«О простых солдатах
Дома ты не забудь,
сестра!»
– Эх, земляк,
до чего ж ты странный,
Как же я позабыть смогу
Тех,
кому бинтовала раны,
Тех,
с кем мерзла в сыром снегу?
Эх, земляк,
как же я забуду
Этот горький дымок костра?..
Если в жизни придется худо,
Помни —
есть у тебя сестра.

Принцесса

Лицо заострила усталость,
Глаза подчеркнула война,
Но всем в эскадроне казалась
Прекрасной принцессой она.

Пускай у «принцессы» в косички
Не банты – бинты вплетены,
И ножки похожи на спички,
И полы шинельки длинны!

В палатке медпункта, у «трона»,
Толпились всегда усачи.
«Принцессу» ту сам эскадронный
Взбираться на лошадь учил.

Да, сам легендарный комэска
Почтительно стремя держал!
Со всеми суровый и резкий,
Лишь с нею шутил генерал.

...А после поход долгожданный.
Отчаянный рейд по тылам,
И ветер – клубящийся, рванный,
С железным дождем пополам.

Тепло лошадиного крупа,
Пожар в пролетевшем селе...
Принцесса, она ж санинструктор,
Как надо держалась в седле.

Она и не помнила время,
Когда (много жизней назад!)
Ей кто-то придерживал стремя,
Пытался поймать ее взгляд.

Давно уже все ухажеры
Принцессу считали сестрой.
...Шел полк через реки и горы —
Стремительно тающий строй.

Припомнят потом ветераны
Свой рейд по глубоким тылам,
И ветер – клубящийся, рваный,
С железным дождем пополам.

Тепло лошадиного крупа,
Пожар в пролетевшем селе...
Принцесса, она ж санинструктор,
Вдруг резко качнулась в седле.

Уже не увидела пламя,
Уже не услышала взрыв.
Лишь скрипнул комэска зубами,
Коня на скаку осадив...

В глуши безымянного леса
Осталась она на века —
Девчушка, дурнушка, принцесса,
Сестра боевого полка.

И я понимаю, что в эти минуты
Могла партизанкам помочь
Лишь память о девушках, чьи парашюты
Совсем не раскрылись в ту ночь...

Бессмысленной гибели нету на свете —
Сквозь годы, сквозь тучи беды
Поныне подругам, что выжили, светят
Три тихо сгоревших звезды...

В дальнем уголке души

*Леониду Кривошекову, однополманину, ныне
писателю*

Как он отглажен, все на нем блестит —
Нет, вы на фото только поглядите:
Мой командир санвзвода Леонид,
Что в переводе значит «победитель».

Тебя другим видала, командир,
Я после контратаки отраженной:
В шинелишке, светящейся от дыр,
Осколками и пулями прожженной.

В одной траншее нас свела война.
Тебе – за двадцать, ну а мне —
под двадцать.
Была в тебя по-детски влюблена:
Теперь могу в таком грехе признаться.

И, может, чище не было любви,
Чем в этой грязной и сырой траншее...
Ах, юность, юность! – только позови:
Я сразу бросилась бы к ней на шею.

И сразу стала бы такой смешной —

До глупости застенчивой и строгой...
Уже вся жизнь, пожалуй, за спиной,
Иду своей, а ты – своей дорогой.

Но в дальнем уголке души стоит
Иконкой потемневшей (не судите!)
Мой командир санвзвода Леонид,
Что в переводе значит «победитель».

«Девочки» в зимнем курзале...»

«Девочки» в зимнем курзале
Жмутся по стенкам одни.
Жаль, что путевки вам дали
В эти ненастные дни!
И далеко кавалеры! —
Им не домчатся до вас...
Тетушка Настя
Тетушку Веру
Просит галантно на вальс.
Возле палаток санбата,
Хмелем Победы пьяны,
Так же кружились
Два юных солдата,
Два ветерана войны.
С Настенькой Вера,
С Верочкой Настя —
Плача, кружились они.
Верилось в счастье, —
В близкое счастье —
Жмутся по стенкам одни...
Ах, далеко кавалеры! —
Им не домчатся до вас.
Тетушку Настю
С тетушкой Верой
Кружит безжалостный вальс.

Скроешь ли времени меты?
Молодость только одна...
Кружит подружек не музыка —
Это
Кружит их, кружит Война...

Стихотворения о любви

«Помоги, пожалуйста, влюбиться...»

Помоги, пожалуйста, влюбиться,
Друг мой милый, заново в тебя,
Так, чтоб в тучах грянули зарницы,
Чтоб фанфары вспыхнули, трубя.

Чтобы юность снова повторилась —
Где ее крылатые шаги?
Я люблю тебя, но сделай милость:
Заново влюбиться помоги!

Невозможно, говорят, не верю!
Да и ты, пожалуйста, не верь!
Может быть, влюбленности потеря —
Самая большая из потерь...

«Полжизни мы теряем из-за спешки...»

Полжизни мы теряем из-за спешки.
Спеша, не замечаем мы подчас
Ни лужицы на шляпке сыроежки,
Ни боли в глубине любимых глаз...
И лишь, как говорится, на закате,
Средь суеты, в плену успеха, вдруг,
Тебя безжалостно за горло схватит
Холодными ручищами испуг:
Жил на бегу, за призраком в погоне,
В сетях забот и неотложных дел...
А может главное – и проворонил...
А может главное – и проглядел...

Белый флаг

За спором – спор.

За ссорой – снова ссора.

Не сосчитать «атак» и «контратак»...

Тогда любовь пошла парламентаром —

Над нею белый заметался флаг.

Полотнище, конечно, не защита.

Но шла Любовь, не опуская глаз,

И, безоружная, была добита...

Зато из праха гордость поднялась.

«Недостойно сражаться с тобою...»

Недостойно сражаться с тобою,

Так любимым когда-то —

Пойми!..

Я сдаюсь,

Отступаю без боя.

Мы должны

Оставаться людьми.

Пусть, доверив тебе свою душу,

Я попала в большую беду.

Кодекс чести

И здесь не нарушу —

Лишь себя упрекая,

Уйду...

Ветер с фронта

В сорок первом на полустанках
Я встречала юность мою.
Жизнь неслась полковой тачанкой,
Жизнь пылала, как танк в бою.
Я узнала мир не из книги,
И когда оглянулась назад —
Вижу, как мы прощались в Риге,
Чтобы встретиться у Карпат.
Потому, где б теперь ты ни был,
Всюду – кровные земляки:
Под одним почерневшим небом
Мы выскребывали котелки.
На привалах одних – мерзли,
Было жарко в одних боях,
Фронтовой горьковатый воздух,
Привкус пороха на губах!
Если ж вновь на спокойном рассвете
Будет прерван наш чуткий сон,
Если снова ударит ветер
В паруса боевых знамен,
Не смогу я остаться дома,
В нашей комнатке голубой,
У знакомых дверей райкома
Нам прощаться опять с тобой.
Глухо вымолвив:

«До свиданья!»,
К автомату плечом припасть,
Пусть проглатывает расстоянья
Бесконечной дороги пасть.
Пусть опять кочевать по свету...
Пусть ударит со всех сторон
Фронтowej горьковатый ветер
В паруса полковых знамен!

«Я не привыкла...»

Я не привыкла,
Чтоб меня жалели,
Я тем гордилась, что среди огня
Мужчины в окровавленных шинелях
На помощь звали девушку —
Меня...

Но в этот вечер,
Мирный, зимний, белый,
Припоминать былое не хочу,
И женщиной —
Растерянной, несмелой —
Я припадаю к твоему плечу.

«Я не знала измены в любви...»

Я не знала измены в любви,
Я ее ощущала начало —
Легкий крен, ненадежность причала
И себе говорила: «Порви!»
Потому, вероятно, не знала
Никогда я измены в любви.

Я и в дружбе могла различить
Первый легкий снежок охлажденья.
Обрывала с улыбкою нить
И шутила еще: «До видзенья!»
Только гордость —
Мой якорь спасенья...

«Я не люблю...»

Я не люблю
Распутывать узлы.
Я их рублю —
Ведь боль
Мгновенье длится.
Терпения покорные волны —
Не создана
Быть вашею возницей.

Нет, если надо —
Все перетерплю.
Но если впереди
Итог единый,
Одним ударом
Цепь перерублю
И в ночь уйду,
Держать стараясь спину.
Без лишних слов,
Не опуская глаз...

Но сколько раз сутулюсь,
Сколько раз!

«Я люблю тебя злого, в азарте работы...»

Я люблю тебя злого, в азарте работы,
В дни, когда ты от грешного мира далек,
В дни, когда в наступленье бросаешь ты роты,
Батальоны, полки и дивизии строк.

Я люблю тебя доброго, в праздничный вечер,
Заводилой, душою стола, тамадой.
Так ты весел и щедр, так по-детски беспечен,
Будто впрямь никогда не братался с бедой.

Я люблю тебя вписанным в контур трибуны,
Словно в мостик попавшего в шторм корабля, —
Поседевшим, уверенным, яростным, юным —
Боевым капитаном эскадры «Земля».

Ты – землянин. Все сказано этим.
Не чудом – кровью, нервами мы побеждаем
в борьбе.

Ты – земной человек. И, конечно, не чужды
Никакие земные печали тебе.

И тебя не минуют плохие минуты —
Ты бываешь растерян, подавлен и тих.

Я люблю тебя всякого, но почему-то
Тот, последний, мне чем-то дороже других...

«Ты разлюбишь меня...»

Ты разлюбишь меня...
Если все-таки станется это,
Повториться не сможет
Наше первое смуглое лето —
Все в росе по колено,
Все в укусах крапивы...
Наше первое лето —
Как мы были глупы и счастливы!

Ты разлюбишь меня...
Значит, яростной крымской весной,
Партизанской весной
Не вернешься ты в юность со мною.
Будет рядом другая —
Вероятно, моложе, яснее,
Только в юность свою
Возвратиться не сможешь ты с нею.

Я забуду тебя.
Я не стану тебе даже сниться.
Лишь в окошко твое
Вдруг слепая ударится птица.
Ты проснешься, а после
Не сумеешь уснуть до рассвета...
Ты разлюбишь меня?

Не надейся, мой милый, на это!

«Ты – рядом, и все прекрасно...»

Ты – рядом, и все прекрасно:
И дождь, и холодный ветер.
Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.

Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти.
Спасибо тебе, мой любимый,
За то, что ты есть на свете.

Ты – рядом, а ведь могли бы
Друг друга совсем не встретить...
Единственный мой, спасибо
За то, что ты есть на свете!

«Теперь не умирают от любви...»

Теперь не умирают от любви —
насмешливая трезвая эпоха.
Лишь падает гемоглобин в крови,
лишь без причины человеку плохо.

Теперь не умирают от любви —
лишь сердце что-то барахлит ночами.
Но «неотложку», мама, не зови,
врачи пожмут беспомощно плечами:
«Теперь не умирают от любви...»

«Позови меня!...»

Позови меня!
Я все заброшу.
Январем горячим, молодым
Заметет тяжелая пороша
Легкие следы.

Свежие пушистые поляны.
Губы.
Тяжесть ослабевших рук.
Даже сосны, от метели пьяные,
Закружились с нами на ветру.

На моих губах снежинки тают.
Ноги разъезжаются на льду.
Бойкий ветер, тучи разметая,
Покачнул веселую звезду.

Хорошо, что звезды покачнулись,
Хорошо по жизни пронести
Счастье, не затронутое пулей,
Верность, не забытую в пути.

«Пахнет лето...»

Пахнет лето
Земляникой спелой —
Снова реки
Повернули вспять...
Снова сердце
К сердцу прикипело —
Только с кровью
Можно оторвать.

Пахнет лето
Земляникой спелой,
Скоро осень
Загрустит опять.

Может, это времечко
Приспело —
Уходить,
От сердца отрывать?..

«Нынче в наших горах синева...»

Нынче в наших горах синева,
Нынче серое небо в столице.
И кружится моя голова —
А твоя голова не кружится?

Я не шлю телеграммы в Москву,
Не пленяю сияющим Крымом,
Я приехать тебя не зову —
Приезжают без зова к любимым...

«Нет в любви виноватых и правых...»

Нет в любви виноватых и правых.
Разве эта стихия – вина?
Как поток раскаленной лавы
Пролетает по судьбам она.

Нет в любви виноватых и правых,
Никого здесь нельзя винить.
Жаль безумца, который лаву
Попытался б остановить...

«Невозможно! Непостижимо!...»

«Невозможно! Непостижимо!» —
Повторяю сто раз на дню.
Прикасаюсь к тебе, любимый,
Как к распятыю, скорей к огню.

Нет, должно быть, мне это снится
(Я поверила в чудо зря),
Будто вспыхнули вдруг зарницы
В грустных сумерках декабря.

«Не встречайтесь с первою любовью...»

Не встречайтесь с первою любовью,
Пусть она останется такой —
Острым счастьем, или острой болью,
Или песней, смолкшей за рекой.

Не тянитесь к прошлому, не стоит —
Все иным покажется сейчас...
Пусть хотя бы самое святое
Неизменным остается в нас.

«Молчу, перчатки тебе...»

Молчу, перчатки тебе,
Смирно сердца перебои:
Мне отрываться от тебя —
Как от земли во время боя.

Да, отрывалась – шла война,
Стать мужественной было легче.
Ты думаешь, что я сильна,
А я – обычный человек.

«Любовь проходит...»

Любовь проходит.

Боль проходит.

И ненависти вянут гроздья.

Лишь равнодушие —

Вот беда —

Застыло, словно глыба льда.

«Любовь ушла...»

Любовь ушла,
Изранена двумя.
Ее в объятья
Приняли другие...
И с той минуты
Мучает меня
По оскорбленной гостье
Ностальгия.

Любовью ностальгию
Не зови —
Пора нам стать
Добрее и мудрее.
Сам знаешь,
Что пожарища любви
Не освещают душу
И не греют...

«Когда умирает любовь...»

Когда умирает любовь,
Врачи не толпятся в палате,
Давно понимает любой —
Насильно не бросишь
В объятия...

Насильно сердца не зажжешь.
Ни в чем никого не вините.
Здесь каждое слово —
Как нож,
Что рубит меж душами нити.

Здесь каждая ссора —
Как бой.
Здесь все перемирья
Мгновенны...
Когда умирает любовь,
Еще холодней
Во Вселенной...

«Как резко день пошел на убыль!...»

Как резко день пошел на убыль!
Под осень каждый луч милей...
Грустят серебряные трубы
Прощающихся журавлей.

Как резко жизнь пошла на убыль!
Под осень дорог каждый час...
Я так твои целую губы —
Как будто бы в последний раз...

Как мы чисто,
Как весело жили с тобой!
Страсть стучала в виски,
Словно вечный прибор.
И была ты, любовь,
Полыхающим летом,
Пьяным маком
И огненным горицветом.

Ничего не могли
Друг от друга таить.
Разорвав повседневности
Серую нить,
Мы попали
В надежные цепи из роз,
Бурных ссор,
Примирений
И радостных слез.

А еще мы с тобой
Были в стане одном
В дни, когда все, казалось,
Летело вверх дном.
Вместе падали в пропасть,
Взлетали вдвоем.

Нас пытала эпоха
Мечом и огнем.

Пусть давно ты лежишь
Под могильной плитой.
Я осталась надежным товарищем,
Той,

Что всегда твою память
И честь защитит,
Потому что любовь —
И оружие и щит.

Катерина

Шли купцы животами вперед,
В кабаках матерились длинно.
В тот ничем не приметный год
Обвенчалась ты, Катерина.
Мать крестилась сухой рукой,
Робко вздрагивали ресницы.
Ты в кого уродилась такой —
Большеглазой да тонколицей?
Ты в кого уродилась, скажи,
С этим сердцем, большим и чутким?
Как ты сможешь с Кабанихой жить,
Слушать пьяного мужа шутки?
Муж кудлатой трясет головой:
Мол, конечно, бывают краше,
Но «карактором» ничего —
Больно тихая, как монашка.

– Знаем тихие омота! —
На невестку свекровь шипела.
В низких горницах – духота,
Были б крылья – так улетела.
А любовь? Разве это любовь?
Здесь и любят наполовину...
Днем и ночью грызет свекровь
Безответную Катерину.

Взгляды сплетниц-купчих остры.
Все ж ты вырвалась на свободу:
По преданию, с той горы
Катерина бросилась в воду...
Я всегда эту гору найду,
Отыщу ее склон зеленый:
Летом в сорок втором году
Там держали мы оборону.

«И не было встреч, а разлука...»

И не было встреч, а разлука
Как лезвие в сердце вошла.
Без зова вошла и без стука —
Умна, осторожна и зла.

Сказала я: «Сделай мне милость,
Исчезни! Так больно с тобой...»

«Нет, я навсегда поселилась,
Я стала твоею судьбой».

«И когда я бежать попыталась из плена...»

И когда я бежать попыталась из плена
Глаз твоих, губ твоих и волос,
Обернулся ты ливнем и запахом сена,
Птичьим щебетом, стуком колес.

Все закрыты пути, все запутаны тропы —
Так за годом уносится год...
Я лечу в пустоту, перепутаны стропы —
Только дольше бы длился полет!

«Забытая тетрадь. Истертые листы...»

Забытая тетрадь. Истертые листы...
Увы, давно могу я не страшиться,
Что вдруг случайно забредешь и ты
На эти потаенные страницы...

Я, любящая, верная жена,
Всего однажды, да, всего однажды
Не то что охмелела от вина,
А задохнулась от смертельной жажды.

Но тут рассудок приказал: «Табу!
Ты не предашь единственного друга...»
И лишь прорезались на гладком лбу
Морщины, словно борозды от плуга...

«Ждала тебя. И верила. И знала...»

Ждала тебя. И верила. И знала:
Мне нужно верить, чтобы пережить
Бои, походы, вечную усталость,
Ознобные могилы-блиндажи.
Пережила. И встреча под Полтавой.
Окопный май.
Солдатский неуют.
В уставах незаписанное право
На поцелуй, на пять моих минут.
Минуту счастья делим на двоих,
Пусть – артналет,
Пусть смерть от нас – на волос.
Разрыв! А рядом – нежность глаз твоих
И ласковый срывающийся голос.
Минуту счастья делим на двоих...

«Есть время любить...»

Есть время любить,
Есть – писать о любви.
Зачем же просить:
«Мои письма порви»?
Мне радостно —
Жив на земле человек,
Который не видит,
Что времени снег
Давно с головой
Ту девчонку занес,
Что вдоволь хлебнула
И счастья, и слез...
Не надо просить:
«Мои письма порви!»
Есть время любить,
Есть – читать о любви.

«Да, сердце часто ошибалось...»

Да, сердце часто ошибалось,
Но все ж не поселилась в нем
Та осторожность,
Та усталость,
Что равнодушьем мы зовем.

Все хочет знать,
Все хочет видеть,
Все остается молодым.
И я на сердце не в обиде,
Хоть нету мне покоя с ним.

«Все зачеркнуть. И все начать сначала...»

Все зачеркнуть. И все начать сначала,
Как будто это первая весна.
Весна, когда на гребне нас качала
Хмельная океанская волна.

Когда все было праздником и новью —
Улыбка, жест, прикосновение, взгляд...
Ах океан, зовущийся Любовью,
Не отступай, прихлынь, вернись назад!

Болдинская осень

Вздыхает ветер. Штрихует степи
Осенний дождик – он льет три дня...
Седой, нахохленный, мудрый стрепет
Глядит на всадника и коня.
А мокрый всадник, коня пришпоря,
Летит наметом по целине.
И вот усадьба, и вот подворье,
И тень, метнувшаяся в окне.
Коня – в конюшню, а сам – к бумаге.
Письмо невесте, письмо в Москву:
«Вы зря разгневались, милый ангел, —
Я здесь как узник в тюрьме живу.
Без вас мне тучи весь мир закрыли,
И каждый день безнадежно сер.
Целую кончики ваших крыльев
(Как даме сердца писал Вольтер).

А под окном, словно верный витязь,
Стоит на страже крепыш дубок...
Так одиноко! Вы не сердитесь:
Когда бы мог – был у ваших ног!
Но путь закрыт госпожой Холерой...
Бешусь, тоскую, схожу с ума.
А небо серо, на сердце серо,
Бред карантина – тюрьма, тюрьма...»

Перо гусиное он отбросил,
Припал лицом к холодку стекла...
О злая Болдинская осень!
Какою доброю ты была —
Так много Вечности подарила,
Так много русской земле дала!..
Густеют сумерки, как чернила,
Сгребает листья ветров метла.
С благоговеньем смотрю на степи,
Где он на мокром коне скакал.
И снова дождик, и снова стрепет —
Седой, все помнящий аксакал.

«А я для вас неуязвима...»

А я для вас неуязвима,
Болезни,
Годы,
Даже смерть.
Все камни – мимо,
Пули – мимо,
Не утонуть мне,
Не сгореть.
Все это потому,
Что рядом
Стоит и бережет меня
Твоя любовь – моя ограда,
Моя защитная броня.
И мне другой брони не нужно,
И праздник – каждый будний день.

Но без тебя я безоружна
И беззащитна, как мишень.
Тогда мне никуда не деться:
Все камни – в сердце,
Пули – в сердце...

Памяти Вероники Тушновой

Прозрачных пальцев нервное сплетенье,
Крутой излом бровей, усталость век,
И голос – тихий, как сердцебиенье, —
Такой ты мне запомнилась навек.
Была красивой – не была счастливой,
Бесстрашная – застенчивой была...
Политехнический. Оваций взрывы.
Студенчества растрепанные гривы.
Поэты на эстраде, у стола.
Ну, Вероника, сядь с ведущим рядом,
Не грех покрасоваться на виду!
Но ты с досадой морщишься: «Не надо!
Я лучше сзади, во втором ряду».
Вот так всегда: ты не рвалась стать «первой»,
Дешевой славы не искала, нет,
Поскольку каждой жилкой, каждым нервом
Была ты божьей милостью поэт.
БЫЛА! Трагичней не придумать слова,
В нем безнадежность и тоска слились.
Была. Сидела рядышком... И снова
Я всматриваюсь в темноту кулис.
Быть может, ты всего лишь запоздала
И вот сейчас на цыпочках войдешь,
Чтоб, зашептавшись и привстав, из зала
Тебе заулыбалась молодежь...

С самой собой играть бесцельно в прятки,
С детсада я не верю в чудеса:
Да, ты ушла. Со смерти взятки гладки.
Звучат других поэтов голоса.
Иные голосистой. Правда это.
Но только утверждаю я одно:
И самому горластому поэту
Твой голос заглушить не суждено, —
Твой голос – тихий, как сердцебиенье.
В нем чувствуется школа поколенья
Науку скромности прошедших на войне —
Тех, кто свою «карьеру» начинали
В сырой землянке – не в концертном зале,
И не в огне реклам – в другом огне...
И снова протестует все во мне:
Ты горстка пепла? К черту эту мысль!
БЫЛА? Такого не приемлю слова!
И вновь я в ожидании, и снова
Мой взгляд прикован к темноте кулис...

«А все равно...»

А все равно
Меня счастливей нету,
Хотя, быть может,
Завтра удавлюсь...
Я никогда
Не налагала вето
На счастье,
На отчаянье,
На грусть.

Я ни на что
Не налагала вето,
Я никогда от боли не кричу.
Пока живу – борюсь.
Меня счастливей нету,
Меня задуть
Не смогут, как свечу.

Любовь

Опять лежишь в ночи, глаза открыв,
И старый спор сама с собой ведешь.

Ты говоришь:

– Не так уж он красив! —

А сердце отвечает:

– Ну и что ж!

Все не идет к тебе проклятый сон,
Все думаешь, где истина, где ложь...

Ты говоришь:

– Не так уж он умен! —

А сердце отвечает:

– Ну и что ж!

Тогда в тебе рождается испуг,
Все падает, все рушится вокруг.

И говоришь ты сердцу:

– Пропадешь! —

А сердце отвечает:

– Ну и что ж!

«Хорошо молодое лицо...»

Хорошо молодое лицо —
Жизнь еще не писала на нем,
И своим не пахала резцом,
И своим не дышала огнем.
Больно время его обожжет,
Так же, как обжигало и нас.
Пусть упрямым останется рот,
Не погаснет сияние глаз,
Но добавится что-то еще —
Станут тоньше, духовней черты.
С этой грани начнется отсчет
Настоящей мужской красоты.
Да, тогда лишь придет Красота,
И теперь навсегда, до конца:
Красота не пустого холста —
Обожженного жизнью лица.

«Во второй половине двадцатого века...»

Во второй половине двадцатого века
Два хороших прощаются человека —
Покидает мужчина родную жену,
Но уходит он не на войну.

Ждет его на углу, возле дома, другая,
Все глядит на часы она, нервно шагая:
Покидает мужчина родную жену —
Легче было уйти на войну!

«Жизнь моя не катилась...»

Жизнь моя не катилась
Величавой рекою —
Ей всегда не хватало
Тишины и покою.
Где найдешь тишину ты
В доле воина трудной?..
Нет, бывали минуты,
Нет, бывали секунды:
За минуту до боя
Очень тихо в траншее,
За секунду до боя
Очень жизнь хорошеет.
Как прекрасна травинка,
Что на бруствере, рядом!
Как прекрасна!.. Но тишь
Разрывает снарядам.

Нас с тобой пощадили
И снаряды и мины.
И любовь с нами в ногу
Шла дорогою длинной.
А теперь и подавно
Никуда ей не деться,
А теперь наконец-то
Успокоится сердце.

Мне спокойно с тобою,
Так спокойно с тобою,
Как бывало в траншее
За минуту до боя.

«Стал холоден мой теплый старый дом...»

Стал холоден мой теплый старый дом.
Как батарея, доброта остыла.
И губы произносят лишь с трудом
Привычное, простое слово «милый».

Но невозможно жить без теплоты,
И я не очень четко понимаю,
Как этот холод переносишь ты —
Неужто веришь возвращенью мая?

Сочетание

Он застенчив и сдержан,
Ты болтлива, резва.
Он – хорошая музыка,
Ты – пустые слова.
Как случилось, что вроде
Мило смотрите вместе?
Не словами – мелодией
Покоряет нас песня...

«Чтоб человек от стужи не застыл...»

Чтоб человек от стужи не застыл,
Не засосал его житейский омут,
Обязан он иметь надежный тыл,
Где перевяжут, обогреют – дома.
Любовью оградят его от бед,
Что, словно мины, ставит нам эпоха.
А если этакого тыла нет,
Ему, как раненному
На нейтралке,
Плохо...

«Стало зрение сердца...»

Стало зрение сердца
Острее,
Если сердце прошло
Через ад...
Дорогие,
Миритесь быстрее —
Не существенно,
Кто виноват.

Я прошу вас,
Давайте не будем
Рвать мосты за собой
Сгоряча...
Почему это
Близкие люди
Рубят прямо по душам
Сплеча?

Я прошу вас,
Поймите быстрее —
В битве душ
Победителей нет.
Стало зрение сердца
Острее
После всех испытаний

И бед.

«Мы любовь свою схоронили...»

Мы любовь свою схоронили
Крест поставили на могиле.
«Слава богу!» – сказали оба...
Только встала любовь из гроба,
Укоризненно нам кивая:
– Что ж вы сделали? Я живая!..

«Как объяснить слепому...»

Как объяснить слепому,
Слепому, как ночь, с рожденья,
Буйство весенних красок,
Радуги наважденье?

Как объяснить глухому,
С рожденья, как ночь, глухому,
Нежность виолончели
Или угрозу грома?

Как объяснить бедняге,
Рожденному с рыбьей кровью,
Тайну земного чуда,
Названного любовью?

«Я любила твой смех, твой голос...»

Я любила твой смех, твой голос.
Я за душу твою боролась.
А душа-то была чужою,
А душа-то была со ржою.
Но твердила любовь: «Так что же?
Эту ржавчину уничтожу».
Были бури. И были штили.
Ах, какие пожары были!
Только вот ведь какое дело —
В том огне я одна горела.
Ржа навеки осталась ржою,
А чужая душа – чужою...

«СКОЛЬКО СИЛЫ В ОБЫДЕННОМ СЛОВЕ «МИЛЫЙ»!...»

Сколько силы в обыденном слове «милый»!
Как звучало оно на войне!..
Не красавцев война нас любить научила —
Угловатых суровых парней.
Тех, которые, мало заботясь о славе,
Были первыми в каждом бою.
Знали мы – тот, кто друга в беде не оставит,
Тот любовь не растопчет свою.

Стихотворения для детей

Про собак

Люблю я собак, но не всяких, однако, —
Люблю, чтобы гордость имела собака,
Чтоб руки чужим не лизала она
И чтобы в беде оставалась верна.
Хочу, чтоб она отвергала подачки —
Пусть ловят кусочки другие собачки,
Пусть служат, присевши на задние лапки,
В восторге от каждой рассеянной ласки.
Нет, мне не по сердцу такая собака —
Люблю я собак, но не всяких, однако!..

Я завидую толстокожим

Я завидую толстокожим —
Носорогам, гиппопотамам,
Папам, что со слонами схожи,
Со слонихами схожим мамам —
Защитила их мать-Природа
От укусов любого рода...
Но жалею зато до дрожи
Тех, кто ходит почти без кожи, —
Вы подумайте только, дети,
Как живется таким на свете!..

Предательство

В каком это было классе?..
Я навзничь лежу в постели —
Петька мне нос расквасил
В рыцарской честной дуэли.
Рядом мамаша квохчет:
– Кто этот хулиган?
Кто тебя эдак, дочка?
Я уж ему задам!
Ну, не молчи, ответь-ка! —
Дергая хвостик банта,
Я выдала взрослым Петьку —
Честного дуэлянта...
А Петькин отец – не тайна —
Выпить был не дурак,
И тонкостям воспитанья
Предпочитал кулак...

Шел Петька двором, как сценой,
Вернее, его вели.
Был он босой, в пыли,
Словно военнопленный.
Был он, как мой укор,
Был он, как мой позор.
Замер наш буйный дворик...
Я поняла с тех пор —

Вкус предательства горек.

...Зажил разбитый нос,

Петька простил донос

И позабыл измену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.